

Д.В. Иванов

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ВЕСЕЛАЯ НАУКА В ПОИСКАХ ЗЛЫХ ИСТИН*

В статье анализируются тенденции развития социологии в контексте доминирования в экономике, политике, культуре глэм-капитализма и глэм-науки. В качестве альтернативы ритуальной социологии и эпохальной социологии предлагается развивать актуальную социологию как веселую науку, ориентированную на исследование потоковых структур, характерных для господствующего глэм-капитализма, противостоящих ему альтер-социальных движений и возникающего в результате их конфронтации и конвергенции альтер-капитализма.

***Ключевые слова:** актуальная социология, ритуальная социология, эпохальная социология, гламур, глэм-капитализм, виртуализация общества, альтер-социальные движения, альтер-капитализм, глэм-наука, веселая наука, социология 3.0, потоковые структуры, градиент.*

***Keywords:** actual sociology, ritualistic sociology, epoch-making sociology, glamour, glam-capitalism, virtualization of society, alter-social movements, alter-capitalism, glam-science, laughing science, sociology 3.0, flow-structures, gradient.*

V. Актуальная теория: концептуализация потоковых структур

Термин «поток» вошел в социологию в 1990-х гг. практически одновременно с термином «сеть» и в очевидной связке с ним. Но концептуализация потоков, начатая наиболее продвинутыми членами социологического сообщества Джоном Урри, Скотом Лэшем, Аржуном Аппадурай, Мануэлем Кастельсом и др. (Lash, Urry 1994; Appadurai 1996; Castells 2000), остается лишь серией пробных шагов на фоне массы теоретиче-

* Окончание. Начало см. в № 2, с. 21–51.

ских построений, создаваемых на базе концепта «сеть». Предметный сдвиг к сетям, начавшийся в конце 1980-х гг., стал результатом двойного давления *агентностного фундаментализма* и *структурального прагматизма* на ритуальную конфигурацию «структура — действие».

Агентностный фундаментализм, представленный в социологии, например, Джеймсом Коулменом, заменяет детерминирующую роль структур как внеиндивидуальных нормативных систем рациональным выбором индивидов, которые взаимодействуют избирательно и поддерживают взаимодействия на основе доверия между участниками (Coleman 1990). В результате агентность индивидов предстает как их способность создавать социальные сети, в которых взаимодействия селективны, требуют доверия (и, следовательно, взаимной идентификации и оценки репутации участников) и устойчивы во времени. Для сторонников агентностного фундаментализма сети оказываются легитимным предметом для социологии, поскольку в них нет распространяемой на все ситуации тотальной нормативности институтов, но все же больше нормативности и структурности, чем в микроскопически социальных интеракциях, обусловленных лишь ситуативными и индивидуальными интерпретациями участников взаимодействия.

Структуральный прагматизм также сдвигает предмет социологии от макроструктур к сетям, но это движение идет не столько под лозунгом «детерминизм мертв», сколько под девизом «структуры мертвы, да здравствуют структуры». Показательна в этом отношении теория сетевого общества Мануэля Кастельса, в которой термином «сеть» объединяются все актуальные тенденции изменения структур: от индустриальных к постиндустриальным, от локальных к глобальным, от реальных к виртуальным (Castells 2000). Гибкие, селективные и поддерживаемые в большей степени символическими коммуникациями, а не физическими действиями, сети являют собой новую модель структурности, отличную от институтов и групп, но и не редуцируемую к агентности.

Сеть как своего рода мезосоциальный феномен вклинивается в проблемный континуум «микро — макро» между интеракциями и нормативными системами. Отношения между участниками сети в этом контексте оказываются чем-то совершенно новым и открывают перспективу исследования новых структур в давно известных явлениях, поскольку не сводят их ни к индивидуальным мотивам, ни к институционально диктуемым паттернам. Таким образом, концепт «сеть», как никакой другой, сопрягается с идеей поворота к «третьему пути» в социологии.

Сеть — хорошее концептуальное решение для мира, в котором институты виртуализируются и участие в коммуникациях столь существенно. Но сеть дает решение лишь на уровне топологии и статики. Сеть

дает модель пространственного распределения, но не движения. Она дает фиксацию отношений, но не отслеживание процессов. Сеть с характеризующими ее узлами и связями скорее является инфраструктурой исследуемых процессов, а не собственно процессами. Эту концептуальную недостаточность метафоры сети «продвинутые» социологи осознают, как, например, Б. Латур, пытающийся заменить термин «*network*» неологизмом «*worknet*», чтобы показать: сеть с ее узлами и связями — это «следы плетения», а предметом должен стать сам процесс — работа по «плетению» (Latour 2005).

В поисках лучшего концептуального решения «продвинутые» члены социологического сообщества раз за разом приходят к понятию потока. Метафора потока появилась в 1990-х гг. практически одновременно у нескольких теоретиков как концептуальное решение, дополняющее метафору сети и привносящее необходимый динамизм. Скот Лэш и Джон Урри в своей теории экономики знаков определили современный глобальный порядок как «структуру потоков», а определяющие для этого порядка информационные и коммуникационные структуры как «связанные в сети потоки» (*networked flows*) (Lash, Urry 1994). Аржун Аппадурай ввел представление о «глобальном культурном потоке», конституируемом потоками людей, машинерии, денег, образов, идей (Appadurai 1996). Мануэль Кастельс в рамках своего анализа сетевого общества предложил теорию «пространства потоков» как материальной организации одновременных социальных практик, осуществляемых посредством потоков (Castells 2000). А Бруно Латур в своей акторно-сетевой теории предложил даже акторов рассматривать не как «фиксированные сущности» (*fixed entities*), но как «потоки», т. е. непрерывные последовательности действий, обеспечивающие объективацию и идентификацию акторов (Latour 1996).

Определения потоков, которыми пока оперируют социологи, дают в большей степени пространственные, чем временные характеристики. В этих определениях больше топографии, чем собственно социологии. Потоки рассматриваются как *пересечение границ* массами людей, образов, информации, денег, отходов (Urry 2000: 36), или как повторяющиеся последовательности обменов *между физически разделенными позициями*, занимаемыми акторами в экономических, политических и символических структурах (Castells 2000: 442). Но приведенные примеры концептуализации потоков указывают на возможность развить в социологии общее представление о потоковом характере, т. е. об устремленности и темпоральности структур.

Определение потоковых структур должно основываться на том, интуитивно достигнутом представлении, которое объединяет приведенные

выше определения: поток — это всегда движение *через*. Традиционные социальные структуры представляют собой разграничения. Институты и группы четко фиксируют и ограничивают зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идет привлекающее внимание социологов движение — перемещение вещей, людей, идей и т. д. Потоки ортогональны традиционным социальным структурам и потому образуют пересекающие границы *трансструктуры*. По отношению к ритму жизни, задаваемому социальными структурами, потоки диахронны (не в смысле историчности, а в буквальном смысле движения сквозь время) и потому нарушают привычный ход и дозировку событий, создавая *транссобытийность*.

Поток любого рода описывается тремя характеристиками:

- направленность;
- плотность;
- интенсивность.

Направленность потока возникает от того, что в данной среде существует *градиент*. До сих пор в социальных науках термин «градиент» обычно использовали для обозначения статистически выявляемого нарастания значения исследуемого параметра от одной статусной группы к другой (McDonough et al. 1999; Henry 2003; Pampel 2002). Вообще градиент — это векторная функция $\text{grad } \varphi(P)$, определяющая направление наискорейшего изменения скалярного поля φ в точке P . В природе, например, градиент давления воздуха приводит к возникновению ветра и определяет его направление, а градиент температуры вызывает процесс теплоотдачи. Пользуясь общим определением градиента, можно увидеть, как в поле экономики градиент гламурности обуславливает направленность потока денег — инвестиций или потребительских расходов, или в поле культуры градиент альтер-социальности приводит к возникновению потока коммуникаций, идущего к немногим дальним, но «своим», минуя многих ближних, но «чужих». Именно движение, устремленное по градиенту, вопреки наличию в среде традиционных структур создает те узлы и связи, которыми характеризуются сетевые структуры. Поточковые структуры — это те самые процессы «плетения», «следы» которых Латур находит в устоявшихся сетях. Концепция поточковых структур позволяет увидеть процесс(ность) сетей и понять, как и почему сети образуют интеробъективную «социальность по Латуру». Поточковые структуры предстают как «умные», потому что они интенциональны, и как «деятельные», потому что они подвижные и проникающие. Но они не мифические «акторы», а устремленные и темпоральные структуры.

Плотность потока определяется количеством вещей, людей, сообщений и т. п., единомоментно проходящих через данную точку в данном направлении. Плотность делает поток воспринимаемым, создает опыт потока как реальности. Плотность потоков сегодня играет роль традиционной материальности и вызывает те эффекты, которые создают гиперреальную «социальность по Бодрийяру» и коммуникативную «социальность по Лиотару». В модели Бодрийяра концентрация и циркулярное движение товаров и потребителей в гипермаркетах или сообщений в сетях СМИ приводят к возникновению гиперреальности симулякров, более насыщенной и вовлекающей, чем пришедшая в упадок традиционная социальная реальность. В модели Лиотара индивиды стремятся участвовать в большем числе языковых игр потому, что с распадом «социальных агрегатов» статус превратился из фиксированного положения в системе разделения труда в пункт, через который проходят коммуникации. Приобретение и поддержание статуса теперь — это включение такого пункта в сети, превращение его в важный или центральный, что определяется плотностью коммуникаций. Таким образом, и бодрийяровская «система», и лиотаровские «игроки» в равной мере оказываются потоковыми структурами.

Интенсивность потока определяется количеством вещей, людей, сообщений и т. п., проходящим через точку за выбранный период времени в данном направлении при данной плотности потока. Высокая интенсивность обеспечивает непрерывность процесса или ритмичность событий, превращая тем самым динамику и изменение в структурность. Именно высокоинтенсивные потоковые структуры создают такие феномены, как детерриториальная «социальность по Аппадурои». В модели Аппадурои потоки мигрантов, денег, товаров и медийных образов формируют транснациональные сети финансовых отношений и этнокультурных идентичностей, которые становятся не привязанными к территории глобальными социокультурными пространствами. Структурность таких пространств, в которых агенты размещаются и перемещаются вопреки территориальному разграничению национальных государств, поддерживается до тех пор, пока потоки не прерываются. И структурный контраст «глобальности» и «локальности», столь часто осмысливаемый географически, идеологически и политически, оказывается темпоральным контрастом — различием в степени интенсивности потоков.

Потоки с характерными для них направленностью, плотностью, интенсивностью служат хорошей концептуальной основой для исследования целого ряда явлений, «социальность» которых не вписывается в рамки ритуальной социологии. И остается только теоретически офор-

мить наметившийся в последние годы генеральный сдвиг от ритуальной социологии к актуальной науке об интенсивном настоящем. Поточковые структуры замещают неактуальные конфигурации агентностей и структур в теории потому, что в интенсивном настоящем устремленность и темпоральность повсюду вытесняют фиксированность положения и установленность пределов. Вместо ценностных ориентаций и идентичностей жизнь людей структурируют проекты. Вместо действий — коммуникации. Вместо институтов — тренды. Вместо групп — ивенты*. Вместо классов и собственности — время доступа. Вместо неравенства с разделением на имущих и неимущих — неодинаковая динамика с разделением на сейчас-имущих и потом-имущих. И этот перечень вытеснения базовых понятий социологии актуальными концептами можно при желании продолжить.

Актуальность метафоры «поток» и эвристичность концепции потоковых структур нарастают по мере того, как постмодернистская фрагментация, анклавная глобализация (Иванов 2008), развитие сетевых структур создают вместо ожидавшейся гомогенности модернизированного, мирового, информационного общества множественные различия условий. В результате возникает все большее число градиентов: уровня и качества жизни, производства, потребления, инвестиций, конфликтности, безопасности и т. п. По этим градиентам устремляются потоки мигрантов, товаров, потребителей, рабочей силы, капиталов, технологий, информации и т. д. Следствием этого является волатильность социальных структур. Там, где через них проходят градиенты, они теряют устойчивость и эффективность, «размываются» и «сносятся» плотными и интенсивными потоками. Зато там, куда устремляются потоки, возникает «бум» построения структур.

Очевидная волатильность социальных структур воспринимается в ритуальной социологии как симптом триумфа агентности «на могиле» детерминизма. Однако в условиях множественных и интенсивных градиентов агентность также является волатильной. По направлениям, заданным градиентами гламурности и альтер-социальности, творческая активность «вымывается» из традиционных форм и зон социальности, где теперь господствуют инертность, зависимость и клиентизм, и «втягивается» в виде ультрасовременной креативности в потоковые структуры, создающие глэм-индустрии, бренд-сообщества, сети актуальности и т. п.

Концепция потоковых структур отменяет неактуальную конфигурацию «агентности — структуры» и меняет модную в последние годы кон-

* От англ. event — событие.

фигурацию «интеракции — сети — институты». Эти аналитические континуумы с введением идеи потока трансформируются в аналитическое поле — матрицу. В аналитическом поле актуальной социологии (рис. 1) различные типы структур выступают в качестве различных форм координации, и эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. На фоне абсолютной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей потока предстают как феномены анти-социальные или альтер-социальные.

ОСНОВА КООРДИНАЦИИ

ГАРАНТИИ КООРДИНАЦИИ КРЕАТИВНОСТЬ НОРМАТИВНОСТЬ	ИНТЕГРАЦИЯ	СЕЛЕКЦИЯ
	ИНТЕРАКЦИЯ	ПОТОК
	ИНСТИТУТ	СЕТЬ

Рис. 1. Аналитическое поле для актуальной социологии

Институты традиционно остаются наиболее комфортным предметом для социологии, т. к. являются идеально социальными структурами. Они интегрируют множество индивидуальных объектов (будь то люди, их действия или их вещи) в большие общности и обеспечивают скоординированность объектов в общностях за счет постоянных и единых для всех норм.

Интеракции, хотя и образуют вполне легитимный предмет социологии со времен Дж. Хоманса, Г. Блумера, И. Гофмана и Г. Гарфинкеля, являются уже не столь социальными структурами, как институты. Интеракции интегрируют объекты в ситуативную общность, и их координация гарантируется не общей нормативностью, а креативностью попавших в данную ситуацию участников, которые вырабатывают адаптивные решения в зависимости от того, как прочитывают (или просчитывают) действия и атрибутику друг друга.

Сети, ставшие популярным предметом социологических исследований в последние два десятилетия, не являются серединой континуума между нормативностью институтов и креативностью интеракций. Внутри сети координация может обеспечиваться нормативностью даже более жесткой, чем институциональная. Но социальность сетей при этом относительна, поскольку основой координации объектов является не интеграция их всех, а селекция тех из них, которые идентифицируются как «свои» на фоне «остальных». Наличие этого фона и обусловленность

доступа в сеть идентичностью являются характерными чертами любых сетевых структур.

Потоки, как и сети, представляют собой тип координации объектов на основе селекции. Но отбор объектов в поток происходит не в силу их фиксированной идентичности, а в силу их подвижности — пространственной, культурной, физической, интеллектуальной и т. п. Координация объектов в потоке обеспечивается постоянным движением *через* границы нормативности — генерированием новых трендов, ивентов, проектов и т. д. Потоки за счет такой креативности создают даже больше структурности, чем институты, интеракции и сети, но потоковые структуры не являются социальными в привычном смысле интегрированности и нормативности.

Потоковые структуры — это та концептуальная модель, которая наиболее адекватна в ситуации глэм-капитализма, когда сверхновые индустрии возникают как тренды, когда гламурно-промышленные комплексы создают устремленные сети актуальности, вовлекающие в скоординированное движение вещи и имиджи, корпоративных трендоидов и креативных потребителей; когда проектная логика жизни направляет существование глэм-капиталистов и глэм-профессионалов и когда альтер-социальные движения существуют как серии brutальных ивентов. Возникающие структуры альтер-капитализма, которые поддерживают текучую аутентичность как поток оригиналов без копий, превращают разработку теории потоковых структур в актуальное направление исследований даже в большей степени, чем глэм-капитализм и альтер-социальные движения.

VI. Актуальная методология: применение потоковых решений

Актуализация предмета социологии предполагает и актуализацию методов. Если предмет актуальной социологии как веселой науки определяется простой формулой: «большая пятерка» + потоковые структуры, то методы характеризуются столь же незамысловатой формулой: «горячая десятка» + потоковые решения. На фоне изошренных компромиссов и маневров «продвинутых» социологов, старательно решающих застаревшие проблемы — мультипарадигмальности, выбора между количественными и качественными методами, малочисленности заинтересованных целевых аудиторий, такое определение методологии выглядит абсолютно несерьезно. Однако именно в режиме веселой науки методологические сдвиги к Социологии 3.0 могут из «поворотов» превратиться в интенсивное движение и стать действительно продуктивными.

Методологический инструментализм и ситуационизм, предлагаемый П. Штомпкой (Sztompka 2010), исходит из того, что решения в усло-

виях мультипарадигмальной социологии вырабатываются в континууме «догматизм — анархизм», но в действительности пространство решений проблемы мультипарадигмальности представляет собой матрицу (рис. 2).

ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ	ДОКТРИНАЛЬНЫЙ	ПРАГМАТИЧНЫЙ
	НЕ НОРМАЛЬНОЕ	БИТВА ПАРАДИГМ
НОРМАЛЬНОЕ	ДИСКУРСИВНАЯ ФОРМАЦИЯ	СКЛАД ПАРАДИГМ

Рис. 2. Варианты решения проблемы мультипарадигмальности

Есть два принципиальных определения ситуации множественности теорий и два разных подхода к решению проблемы мультипарадигмальности. Соответственно, в академическом сообществе оформились четыре варианта решения. Основываясь на концепции «нормальной науки» Томаса Куна (Кун 1977) и считая вслед за ним, что мультипарадигмальность — ненормальное состояние, исследователи могут предлагать либо доктринальное решение, нацеленное на устранение всех существующих теорий ради одной наилучшей, либо прагматичное решение, интегрирующее существующие теории ради сохранения того хорошего, что есть в каждой из них. Зная историю социологии и делая вывод, что для нее мультипарадигмальность — нормальное состояние, исследователи опять-таки могут предлагать два разных решения: доктринальное, отстаивающее равноценность всех компонентов, входящих в теоретический корпус дисциплины, и прагматичное, предполагающее оценку релевантности теорий и подбор для исследования того набора моделей, который больше подходит в данной ситуации.

Можно заметить, что каждое из описанных выше четырех решений становилось доминирующим на определенном этапе современной истории социологии. Битва парадигм была характерна для 1960–70-х гг., когда поборники интеракционизма, феноменологии, этнометодологии и т. д. ниспровергали структурный функционализм и марксизм. Стремление создать интегративную парадигму было характерно для 1980-х, когда классиками стали Ю. Хабермас, Э. Гидденс и П. Бурдьё. Идея

«мягкого» решения в виде дискурсивной формации стала популярной в 1990-х, когда социологи «приручили» постмодернизм. В 2000-х стало распространенным отношение к имеющейся множественности теоретико-методологических подходов как к складу парадигм, которым удобно пользоваться по мере необходимости. Таким образом, социологи медленно, но верно приближаются к злой истине: создание новых теорий приводит не к научной революции, а к работе по наведению порядка на складе.

Романтическая концепция Куна, основанная на фактах давнего прошлого, не адекватна нынешнему состоянию научного сообщества. В любой науке есть множество альтернативных теорий, не редуцируемых одна к другой и адекватных только в областях, определенных граничными условиями. Но настоящей мультипарадигмальности практически нет, поскольку парадигма предполагает наличие не только сильной теории, но и сильной идентичности у ее последователей. А сегодняшние исследователи — не фанатики времен Ренессанса и Просвещения, но прагматики, умеющие менять и применять подход сообразно предмету исследования или политике грантодателей. Исследователям нужна не объединяющая парадигма, а система теоретических моделей, которой можно пользоваться как картой теоретического поля социологии (рис. 3).

Каждая теория, претендовавшая в момент создания на статус парадигмы, в теоретическом поле становится моделью, имеющей свою позицию в отношении онтологических и аксиологических ориентаций и в силу этого ограниченный диапазон применимости*. Поэтому при наложении теоретического поля социологии на ее проблемное поле вопрос «много теорий или одна» становится техническим и легко находит рекомендуемое Штомпкой решение: «все имеющиеся в наличии теории, имеющие отношение к конкретной исследовательской проблеме» (Sztompka 2010: 22).

Однако эта комфортная топография предполагает, что поля статичны, в то время как потоковые структуры повсеместно и перманентно нарушают границы «имеющего отношение к конкретной проблеме» и создают интенсивные иерархии актуального и неактуального. Лучшее решение в этой ситуации обеспечивает не академический плюрализм, а гламурный принцип «горячей десятки», который позволяет выстроить конкурирующие теории в топ-лист моделей изучаемого явления, одновременно и выбрать одну, наиболее отвечающую задачам исследования,

* Подробнее о систематизации теоретических моделей и граничных условиях в социологии см., напр., в (Иванов 2006: 81–86).

Рис. 3. Модель теоретического поля современной социологии

и учесть в виде иерархии актуальности все многообразие возможных подходов. В следующем исследовательском проекте или даже в следующей фазе текущего проекта топ-лист теоретических решений принимает тот вид, который диктуется новыми исследовательскими задачами. Так что попытки «окончательного» решения вопроса о наилучшей парадигме и попытки уклониться от решения под девизом «мультипарадигмальность» уступают место потоку решений, принимающих форму «Top Ten», «Top Five» и т. п.

Использование принципа «горячей десятки» приводит к тому, что вместо набора теоретических инструментов «из ящика», где используются критерии адекватности и релевантности, методологическим обеспечением исследования становится *теоретический поток* — движение по градиенту актуальности, который в скалярном поле теоретических моделей определяет направленность и последовательность отбора моде-

лей на позиции в топ-листе. Актуализация теоретических моделей в таком потоке делает теоретическое наследие социологии более ценным активом, чем склад парадигм, который зачастую посещается не столько в поисках инструментария, сколько с ритуальными целями: для составления «поминальных списков» к диссертациям, статьям и монографиям.

Решение не менее знаковой, чем проблема мультипарадигмальности, дилеммы «количественные методы или качественные методы» в Социологии 3.0 достигается путем интеграции числовой и текстовой социологии и добавления к ним визуальной социологии. Но объединение этих трех компонентов лишь часть решения. Наметившаяся тенденция, если ее рассматривать в общем контексте культурных трендов, указывает на очевидно лучшее решение: актуальная социология — это *мультимедийная социология*.

Актуальность мультимедийных решений определяется тем, что уровень креативности коммуникаций, характерных сейчас для объекта изучения и целевых аудиторий, выше уровня коммуникаций, на которых базируются методы социальных наук. Например, пока «продвинутые» социологи осваивают визуальные методы на базе фотографии и кино, целевые аудитории переходят к коммуникациям при помощи видеоклипов и подкастов*. Экспансия клипового сознания и возрастание роли медиа-компетенций привели к тому, что целевые аудитории социологии сейчас все больше составляют люди, в восприятии которых экран — наиболее значимый объект внимания; визуальная динамика и звуковой ритм придают дополнительный или даже определяющий смысл сообщению; обыденным становится умение создавать на основе разнообразных ИКТ мультимедийные продукты и поддерживать интенсивные коммуникационные потоки, образуемые одновременно речью, текстом, графическими образами, видеорядом, звуком. На этом фоне традиционно социологические методы сбора данных выглядят абсолютно архаичными. Опрос, наблюдение, анализ документов — это методы извлечения информации на основе специально создаваемых коммуникаций. Такой подход уместен, когда люди, будь то рабочие на фабрике или аборигены на острове, являются уникальными носителями информации, которую надо у них добыть. Но в условиях глэм-капитализма не требуется искусственно создавать в изучаемом объекте коммуникации. Эти коммуникации креативными племенами в сетях актуальности и публич-

* Подкастом (от англ. слов iPod и broadcasting — широкое вещание) называется файл или регулярно обновляемая серия файлов, размещаемых по одному адресу в Интернете.

ности генерируются спонтанно и в избытке. Актуальны не методы извлечения из разговорчивого меньшинства информации о безмолвствующем большинстве, а методы создания потоковых структур в уже имеющихся и безостановочно нарастающих массивах информации.

И живущие в гламуре, и создающие альтер-социальность ежедневно становятся непреднамеренными информантами, когда в сетях актуальности и публичности отвечают себе и другим на бесконечное множество вопросов, организуют ивенты, делятся впечатлениями, размещают тексты, визуальные и аудиоматериалы и т. д. Исследователю остается только подключиться к этим креативным коммуникациям непреднамеренных информантов, наладить селекцию и задать направленность, плотность и интенсивность движения нужных данных. Такая стратегия требует инверсии традиционных методов. Вместо (в)опросов нужно использовать ответы в виде номинаций и рейтингов, привлекающих и провоцирующих целевые аудитории; вместо наблюдения нужно применять экспозицию — размещение и демонстрацию, вызывающую ответные потоки; вместо анализа документов нужно практиковать их создание — организацию мультимедийных коллекций, открытых для пополнения контентом заинтересованных пользователей. Разрабатывая такого рода методику, технику и, что теперь немаловажно, эстетику сбора, анализа и презентации данных для мультимедийной веселой науки о глэм-капитализме и альтер-социальных движениях, исследователи продвинутся гораздо дальше «продвинутой» социологии.

Открытия веселой науки — *скоропортящийся интеллектуальный продукт*, поэтому актуальная социология должна быть не только мультимедийной, но и мобильной. В ситуации дефицита внимания и доминирования клипового сознания нужно представлять только главную направленность и актуальность результатов исследования, т. е. тренды, и подавать их целевым аудиториям следует в том клиповом — мультимедийном и при этом лаконичном стиле, который адекватно воспринимается в формате мобильных устройств. Увесистые тома и толстые журналы могут сохраняться как средства профессиональной коммуникации (а в большей степени как средства поддержания идентичности) внутри научного сообщества, но за его пределами целевым аудиториям нужно предлагать доступный для скачивания контент. Возникающие при этом эффекты фрагментации содержания и рассеяния авторства преодолеваются применением потоковых решений на основе принципа текущей аутентичности. Когда вместо фиксированной целостности текста создается поток постоянно обновляемого содержания, копирование фрагментов и их свободная циркуляция в целевых аудиториях не наносят никакого ущерба интересам и статусу автора-исследователя. У по-на-

стоящему креативных коммуникаций не бывает копий, потому что в них оригиналом является не исходное сообщение, а его актуальная версия.

Актуализация предмета, теоретических подходов, методологии исследований и техники презентации результатов отчасти помогут снять и ту проблему кризиса внимания, которую «продвинутые» члены профессионального сообщества квалифицируют как проблему развития «публичной социологии». Но полностью уйти от этой проблемы можно, переориентировав исследования с интересов мифического «гражданского общества» на интересы сверхновых движений. Решение в пользу альтернативности и при этом инструментальности знания, а не в пользу дряхлеющего консерватизма и доктринальности, востребованных съезжающимся слоем традиционных буржуа, обеспечит интерес к научным результатам со стороны целевых аудиторий, а заодно и внимание со стороны гламурной публики. Поток злых истин веселой науки обеспечивает актуальность как своевременность и действенность знания, а при этом публичность становится побочным результатом, а не вымученной целевой функцией специально развиваемого направления деятельности социологов.

Итак, проделанный анализ тенденций в обществе и в его изучении показывает, что сейчас не востребована ритуальная социология, в контексте глэм-капитализма и альтер-социальных движений она повсюду оказывается не действенной. Не востребована и эпохальная социология, в интенсивном настоящем она всегда оказывается несвоевременной. Своевременность и действенность, или, иными словами, актуальность социологии уже стала предметом забот «продвинутых» лидеров профессионального сообщества, о чем свидетельствуют их разработки новой версии дисциплины — Социологии 3.0. Однако все необходимые условия актуальности — альтернативность, инструментальность, мультимедийность, мобильность и, главное, креативность — может обеспечить сейчас перевод социологии в режим веселой науки о глэм-капитализме и альтер-социальных движениях.

Литература

Иванов Д.В. Социология: теория и история. СПб.: Питер, 2006.

Иванов Д.В. Структурные парадоксы глобализации и логика глэм-капитализма // Тезисы III Всероссийского социологического конгресса. Москва, 2008 [http://www.isras.ru/abstract_bank/1208494954.pdf].

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Castells M. The Rise of the Network Society. Second Edition. Oxford: Blackwell Publishing, 2000.

Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1990.

Henry P. Occupational Status and a Gradient of Perceived Limitations // Journal of Sociology. 2003. Vol. 39. No 2.

Lash S., Urry G. Economies of Signs and Spaces. London: Sage, 1994.

Latour B. On actor-network theory. A few clarifications // Soziale Welt. 1996. Vol. 47. No 4.

Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

McDonough P., Williams D., House J., Duncan G. Gender and the Socioeconomic Gradient in Mortality // Journal of Health and Social Behavior. 1999. Vol. 40. No. 1.

Pampel F. C. Inequality, Diffusion, and the Status Gradient in Smoking // Social Problems. 2002. Vol. 49. No. 1.

Sztompka P. One Sociology or Many? // The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions / Ed. by S. Patel. SAGE, 2010.

Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. London and New York: Routledge, 2000.